

Причины продажи предметов искусства за рубеж в годы первых пятилеток

EDN: QBQSFZ

Аннотация. В статье рассмотрены причины активизации продажи произведений искусства из Советского Союза за рубеж в конце 1920-х — начале 1930-х гг. Показана тесная связь этого процесса с необходимостью получения валюты для закупки зарубежного оборудования и технологий для проведения ускоренной индустриализации. Актуальность зарабатывания валюты для оплаты заказов объясняется отказом иностранных государств в кредитах после аннулирования советским правительством внешних займов в 1918 г. и неудачей много- и двусторонних переговоров о погашении российских дореволюционных займов в 1920-е гг. А так как объем внешнего долга Российской империи был самым большим в мире, это привело к финансовой и кредитной блокаде СССР. В результате для получения валюты и проведения внешнеторговых операций возникла необходимость отправки на экспорт не только зерна, леса, нефти и других природных ресурсов, но и самых известных и ценных произведений искусства.

Ключевые слова: произведения искусства, экспорт, индустриализация, государственный долг, аннулирование государственных займов, кредиты, Советский Союз.

Основная **цель** данной статьи — выявление главной причины продажи советским правительством за рубеж предметов искусства и различных художественных ценностей во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. При этом, чтобы понять всю тяжесть положения, в котором оказалась социалистическая экономика в тот период, что и привело к необходимости использования любых методов для получения валюты, необходимо подробно осветить и попытки руководства СССР нормализовать ситуацию на протяжении 1920-х гг. Ведь продажа мировых шедевров и музейных ценностей объясняется не только отсутствием валюты, но и отказом ведущих капиталистических государств от выдачи Советскому Союзу долговременных кредитов.

В советской историографии о «распродаже» иностранным покупателям шедевров искусства практически ничего не говорилось. Лишь в последние годы появилось небольшое количество книг и статей, в которых раскрываются подробности данной операции¹. Особенно активно эту тему разрабатывает Е. А. Осокина².

¹ Проданные сокровища России. М., 2000; Эрмитаж, который мы потеряли. Документы 1920–1930 годов. СПб., 2001; Жуков Ю. Н. Сталин: операция «Эрмитаж». М., 2005; Государственный Эрмитаж. Музейные распродажи 1928–1929 годов: архивные документы. СПб., 2006; Проданные сокровища России. История распродажи национальных художественных сокровищ. М., 2023.

² Осокина Е. А. Антиквариат (Об экспорте художественных ценностей в годы первой пятилетки) // Экономическая история. Ежегодник. 2002. М., 2003; Она же. Золото для индустриа-

Однако все исследователи, занимающиеся данной тематикой, называют основной причиной разработки и осуществления процесса «распродажи» национального достояния недостаток у страны валюты для покупок заграничного оборудования и технологий. При этом чаще всего ссылаются на идеологическое противостояние нового социалистического государства и капиталистических стран. Но это только часть проблемы. В данной статье предпринята попытка посмотреть на причины продажи предметов искусства и отсутствия валюты под другим углом, прежде всего с финансово-экономической точки зрения.

На возможность получения необходимой стране валюты через продажу за рубеж художественных ценностей, в том числе из крупнейших музеев страны, в советском правительстве обратили внимание с началом разработки планов первой пятилетки, ведь, приступая к форсированной индустриализации, СССР фактически не имел «золотого запаса». При этом на первом этапе, когда предполагалась массовая закупка зарубежной техники и технологий, Советский Союз вынужден был оплачивать эти поставки наличным золотом или валютой, которые еще надо было получить от экспортных операций. В результате советское руководство было готово продавать за рубеж практически все, в том числе художественные и исторические ценности.

В октябре 1927 г. Наркомат торговли впервые установил план экспорта антикварных изделий, утвердив на последний квартал года сумму в 500 тыс. руб.³ А 23 января 1928 г. появилось постановление Совнаркома СССР «О мерах к усилению экспорта и реализации за границей предметов старины и искусства», в котором признавалось необходимым усилить экспорт «ценностей музейного значения», за исключением «основных коллекций». А еще через месяц в музеи поступила инструкция Наркомата просвещения, которая предписывала начать отбор на продажу наиболее ценных «как по материалу, так и по качеству» предметов⁴. Летом того же года был образован «Антиквариат» — специальный орган для реализации произведений искусства за рубежом.

Останавливаться на подробностях экспорта предметов культуры нет никакой необходимости, многие сюжеты уже описаны названными выше авторами, отметим лишь, что всего за шесть лет (1928–1934 гг.) из музеев СССР (Эрмитажа, Третьяковской галереи, императорских дворцов и региональных музеев) было продано около 20 тыс. различных экспонатов,

лизации: Торгсин. М., 2009; Она же. Небесная голубизна ангельских одежд: судьба произведений древнерусской живописи, 1920–1930-е годы. М., 2018; Она же. Алхимия советской индустриализации: время Торгсина. М., 2019.

³ Жуков Ю. Н. Сталин: операция «Эрмитаж». С. 99.

⁴ Осокина Е. А. Небесная голубизна ангельских одежд... С. 143–144.

в том числе около 1500 произведений живописи. Среди них были неоценимые шедевры (Боттичелли, Ван Дейк, Ван Эйк, Веласкес, Веронезе, Рафаэль, Рембрандт, Рубенс, Тициан и др.)⁵.

По данным Ю.Н. Жукова, за все, включая шедевры, было получено около 25 млн золотых руб. или 12,5 млн долл., но тем не менее Внешторг не смог выполнить свое обязательство — пополнить государственную казну только за счет экспорта антиквариата на 30 млн золотых руб.⁶ Е.А. Осокина, ссылаясь на оценку наркома просвещения Бубнова, считает, что антикварный экспорт принес государству около 40 млн руб., что примерно равно стоимости импортного оборудования для Горьковского автомобильного завода или Магнитки⁷. Несмотря на разницу в подсчетах, можно сказать, что продажи мировых шедевров не привели к значительному притоку валюты в Советский Союз, а вот урон авторитету страны нанесли. И о такой возможности советские руководители получали неоднократные предупреждения не только от чиновников Наркомпроса, но и от покупателей. В 1930 г. один из них (Г. Гюльбенкян) писал Пятакову: «...предметы, находящиеся в Ваших музеях уже в течение долгих лет, не должны продаваться, так как они не только представляют из себя национальное достояние, но и являются также обширным воспитательным фондом и в то же время большой национальной гордостью, а если сведения об их распродаже проникли бы в публику, то этим был бы нанесен ущерб кредиту Вашего правительства»⁸.

Стоит отметить еще одно обстоятельство. Упоминаемых в литературе основных покупателей советского антиквариата было очень немного. Возможно, это было как-то связано с мировым финансово-экономическим кризисом, или с узким кругом коллекционеров, готовых платить за шедевры соответствующие деньги, или боязнью судебных процессов о возврате картин, которые возбуждали русские эмигранты, надеясь получить конфискованное имущество. Но был еще один интересный аспект, ведь советская сторона продавала шедевры далеко не каждому. Кем же были самые известные покупатели?

Одним из первых стал Галуст (Калюст) Гюльбенкян (Calouste Gulbenkian) — создатель и один из владельцев Иракской нефтяной компании (Iraq Petroleum Company), контролировавший значительную часть иракской нефти и считавшийся одним из самых богатых людей Европы (если не самым богатым). Интерес советского руководства состоял

⁵ Жуков Ю. Н. Сталин: операция «Эрмитаж». С. 325.

⁶ Там же. С. 326.

⁷ Осокина Е. А. Антиквариат... С. 264.

⁸ Цит. по: Проданные сокровища России. История распродажи... С. 204.

в возможности использования влияния и деловых связей Гюльбенкяна на международном финансовом рынке. И прежде всего в переговорах с Гюльбенкяном речь шла о продвижении на мировой рынок советской нефти и возможности привлечения Советским Союзом внешних займов. В письме, посланном из Парижа в январе 1927 г. председателю Госбанка Г. Пятакову, об этом говорилось прямо. В письме пересказывался разговор Гюльбенкяна с Пятаковым о привлечении самого Гюльбенкяна и «целого ряда крупных финансовых кругов для проведения финансовых операций крупного масштаба и также о финансировании капиталов в нашу промышленность» (подчеркнуто в документе — Ю. Г.). Кроме того, шла речь «о финансировании нашей крупной промышленности и о займах»⁹.

Крупнейшим оптовым покупателем картин из Эрмитажа был Эндрю Меллон (Andrew W. Mellon), бывший в начале 1930-х гг. министром финансов США. Советское руководство, видимо, рассчитывало установить определенные контакты с высокопоставленным чиновником американской администрации, чтобы облегчить продвижение на заокеанский рынок дешевых советских товаров и отвести от себя обвинения в демпинге. Но Меллон избегал контактов с советскими представителями, приобретая шедевры через посредников. После его смерти покупки составили основу Национальной галереи искусств в Вашингтоне.

Одним из привилегированных покупателей, правда, не картин, а древнерусских икон, был Улоф Ашберг (Olof Aschberg). Еще до революции принадлежавший ему шведский Новый банк (Nya Banken) переводил в Россию деньги большевикам, а в 1922 г. Ашбергу разрешили открыть в Москве первый и единственный частный коммерческий банк — Роскомбанк, позже ставший Банком для внешней торговли. В 1920 — начале 1930-х годов Ашберг фактически создал систему совзагранбанков. Видимо, за заслуги в финансовой сфере Ашбергу еще в первые годы советской власти разрешили вывезти из страны несколько сот икон, а в 1928 г. он купил в Москве еще 52 иконы XIV–XVII вв. В 1933 г. иконы были подарены Национальному музею в Стокгольме, став одной из крупнейших коллекций древнерусской религиозной живописи за рубежом. Разрешенные ему покупки во многом объясняются многолетним сотрудничеством с партией большевиков. Позднее Ашберг говорил, что «Советское правительство... знало, что я верил в прочность этого режима, а также, что заявлял об этом в газетах, и наконец потому, что я имел многочисленные международные связи»¹⁰.

⁹ Цит. по: Осокина Е. А. Антиквариат... С. 254.

¹⁰ Попова С. С. Между двумя переворотами. Документальные свидетельства о событиях лета 1917 года в Петрограде (по французским и российским архивным источникам). М., 2010. С. 334.

Казалось бы, за последние годы изучены многие политические и социально-экономические проблемы, связанные не только с фактами экспорта произведений искусства, но и его причинами. Все исследователи пришли к выводу, что при принятии решения о продаже основным стал вопрос о финансировании советской индустриализации и, прежде всего, о получении валюты для покупки зарубежных технологий и оборудования, так как промышленное строительство в СССР без этого было невозможно, а валюта для внешнеторговых сделок была дефицитом. На констатации данной ситуации исследователи, занимающиеся историей индустриализации, обычно останавливаются, чаще всего переходя к обсуждению перипетий борьбы по этому вопросу внутри партийного руководства страны. Лишь некоторые историки объясняют проблемы, с которыми из-за этого столкнулся Советский Союз, в том числе вынужденно продавая за рубеж предметы искусства, недостатком валюты (золота) для импортных сделок. Однако валютные проблемы хотя и имеют непосредственное отношение к трудностям, связанным с закупками за границей, появились гораздо раньше и не объясняют, почему СССР должен был за импорт расплачиваться реальной валютой (золотом) и не мог получить за рубежом долгосрочные кредиты и разместить государственные облигации.

В то же время острый недостаток валюты и невозможность привлечения внешних кредитов имеют вполне конкретное объяснение. Прежде всего это связано с аннулированием государственных займов в январе 1918 г. Именно этот фактически первый дефолт в истории России стал причиной многих не только финансовых, но и социально-политических проблем, наложив отпечаток на всю историю Советского Союза.

Декрет ВЦИК об аннулировании займов был принят 21 января 1918 г., основные его положения были следующие: «1. Все государственные займы, заключенные правительствами российских помещиков и российской буржуазии... аннулируются (уничтожаются) с декабря 1917 года. 2. Равным образом аннулируются все гарантии, данные названными правительствами по займам различных предприятий и учреждений. 3. Безусловно и без всяких исключений аннулируются все иностранные займы...»¹¹.

В историко-экономической литературе встречаются разные оценки объема аннулированных обязательств (от 31 до 68 млрд руб.), но в то же время общепризнано, что перед Первой мировой войной царское правительство по величине всего государственного долга занимало второе (после Франции), а по размерам внешнего долга — первое место в мире.

¹¹ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. I. С. 386.

Профессиональные экономисты сразу после принятия декрета об аннулировании государственных займов отметили, что «оборвана связь не только с союзниками, но и вообще с внешним миром, обрублены питательные провода, поддерживавшие расшатанное в корне русское государственное и народное хозяйство». Разбирая возможные последствия принятия такого решения для России, эксперты считали вероятными следующие меры воздействия, к которым могут прибегнуть государства-кредиторы: «посылка дипломатических нот, меры строгости по отношению к подданным несостоятельного государства, открытие таможенной войны, неисполнение торгово-договорных обязательств и нарушение принципа наибольшего благоприятствования, наложение ареста на находящиеся в заграничных кредитных учреждениях суммы несостоятельного государства, установление над его финансами внешнего иностранного контроля и военная блокада берегов»¹². И, как показали дальнейшие события, иностранные кредиторы осуществили практически все (и даже больше) предсказания специалистов.

Советское руководство уже в течение первых лет понимало все возможные последствия принятия декрета, но продолжало утверждать, что такое решение было правильным. Так, говоря в 1926 г. о наличии в СССР источников накопления достаточных для того, чтобы обеспечить индустриализацию страны, И. В. Сталин особо отметил значение отказа от оплаты займов дореволюционной России. «Я мог бы сослаться, — говорил И. В. Сталин, — на такой факт, как аннулирование царских долгов. Не следует забывать, что при оставлении этих долгов нам пришлось бы платить ежегодно несколько сот миллионов одних лишь процентов в ущерб промышленности, в ущерб всему нашему народному хозяйству. Нечего и говорить, что это обстоятельство внесло большое облегчение в дело накопления»¹³. Однако Сталин здесь говорит лишь о положительной для Советского Союза стороне вопроса, называя конкретные суммы экономии, однако умалчивает, что последствия от аннулирования имели и отрицательную сторону. Подсчитать же то, что было потеряно от такого радикального решения долговой проблемы, гораздо сложнее, может быть, даже невозможно. Поэтому постараемся рассмотреть те события, которые, с одной стороны, были следствием аннулирования внешних и внутренних займов и невозможности реструктуризации выплаты по ним, с другой стороны — для получения валюты привели к необходимости принятия жестких мер, в том числе к продаже художественных ценностей на международном рынке.

¹² Коллас К. Государственное банкротство и его течение; Государственное банкротство России, как явление финансово-экономическое и международно-правовое. Пг., 1918. С. 112.

¹³ Сталин И. В. Собрание сочинений. М., 1951. Т. 8. С. 124.

Прогноз профессиональных экономистов оказался верным, но последствия аннулирования оказались еще более значительными. И проявляться эти последствия начали практически сразу после появления декрета 21 января 1918 г., то есть задолго до индустриализации.

Условно их можно разделить на международные и внутренние.

О необходимости соблюдения международных обязательств советскому правительству напомнили очень быстро. Уже 14 февраля 1918 г. в Наркоминдел РСФСР поступила нота дипломатического корпуса, в которой говорилось, что «они рассматривают все декреты рабочего и крестьянского правительства об аннулировании государственных долгов, о конфискации собственности и т. д., поскольку они касаются иностранных подданных, как несуществующие». Дипломаты также констатировали, что их «правительства оставляют за собой право в любое время, когда они сочтут это нужным, настоятельно потребовать удовлетворения и возмещения всех ущербов и утрат, которые могли быть созданы путем исполнения этих декретов для иностранных государств вообще и для их подданных, живущих в России, в частности»¹⁴.

Так как советское правительство проигнорировало эту ноту, со стороны стран-кредиторов последовали гораздо более агрессивные действия: после окончания Первой мировой войны началась иностранная военная интервенция, инициаторами которой были Великобритания и Франция — основные кредиторы Российской империи. Таким образом, одной из причин интервенции, что сопровождалось огромными потерями для нашей страны, было стремление восстановить в России такое правительство, которое бы гарантировало погашение всех внешних долгов, взятых царским и Временным правительствами. Это прекрасно понимало и советское правительство. В воззвании, с которым 1 августа 1918 г. оно обратилось к пролетариату Франции, Англии, США, Японии и Италии, говорилось: «Первая их (буржуазных правительств — Ю. Г.) цель — захват по возможности большей территории России, дабы ее богатствами, железными дорогами обеспечить проценты по займам для французского и английского капитала»¹⁵.

После окончания Гражданской войны ведущие европейские страны и США — бывшие кредиторы России — начали дипломатическую (отказ в признании), золотую (отказ от покупки) и финансовую (отказ в кредитах) блокады советского правительства.

В 1920–1921 гг. был организован бойкот советского золота, то есть ведущие зарубежные банки отказывались официально принимать рус-

¹⁴ Внешняя политика СССР (1917–1920): Сб. док-ов. М., 1944. С. 48.

¹⁵ Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1926. Ч. II. С. 158.

скую золотую монету. Поэтому российское золото тайно отправлялось в Швецию, где переплавлялось и дополнительно очищалось. После чего уже со штампами шведских банков поступало в продажу на международном рынке, где его с 25–30% дисконтом покупали банки тех стран, где оно было запрещено¹⁶. В результате активных распродаж на 1 февраля 1922 г., по сведениям Наркомфина РСФСР, золотой фонд составлял 217,9 млн руб., а невыполненные обязательства по платежам золотом достигали 103 млн руб.¹⁷ При этом надо учитывать, что промышленная добыча золота еще не была восстановлена.

Неслучайно в это же время под предлогом помощи голодающим начался процесс ограбления церкви. Накануне Генуэзской конференции, где должен был решаться вопрос о «русских» долгах, 19 марта 1922 г. В. И. Ленин, не вспоминая о голоде, прямо писал: «Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). Без этого фонда никакая государственная работа вообще, хозяйственное строительство в частности, и *никакое отстаивание своей позиции в Генуе в особенности* (курсив наш — Ю. Г.), совершенно немыслимы»¹⁸. Истинные причины происходящего прекрасно понимало и население. Так, рабочие Яхромской фабрики Дмитровского уезда заявили, что «протестуют против принудительного отбора церковных ценностей, потому что все отобранное не последует по назначению и только сотая часть собранного пойдет на помощь голодающим, все остальное золото и все ценности уйдут на уплату царских долгов»¹⁹. Позднее многие изъятые церковные ценности и иконы были проданы за границу, став основой зарубежного рынка русских икон.

В 1922 г. в Генуе и Гааге были проведены две международные конференции, на которых решался так называемый «русский вопрос». Советская сторона просила предоставить ей кредиты, европейцы требовали признать «царские» долги. Компромисса достичь не удалось, поэтому конференции закончились безрезультатно²⁰. Во многом нежелание европейских держав идти на компромисс объяснялось не только тем, что

¹⁶ Осокина Е. А. Золото для индустриализации: Торгсин. С. 365.

¹⁷ Там же. С. 524.

¹⁸ Цит. по: Латышев А. Г. Рассекреченный Ленин. М., 1996. С. 170.

¹⁹ Подробнее см.: Кривова Н. А. Власть и церковь в 1922–1925 гг. М., 1997.

²⁰ Подробнее см.: Быстрова Н. Е. Советская Россия на конференциях в Генуе и Гааге 1922 г.: взгляд из Кремля. М.; СПб., 2020; Хормач И. А. Советское государство на международных форумах 1920–1930-х гг. М., 2020.

советское правительство предъявило требование по компенсации за интервенцию в три раза выше, чем иностранцы по аннулированным долгам и национализированному имуществу (39 млрд против 13 млрд), но и тем, что в соответствии с Брестским мирным договором с Германией и ее союзниками РСФСР отправила в сентябре и октябре 1918 г. в Берлин два эшелона с золотом (93,5 т) и кредитными билетами в качестве компенсации за убытки германских подданных, последовавшие из-за отказа от выполнения обязательств по государственным займам и национализации их собственности. Тем самым был создан прецедент для требований других кредиторов. Позднее, когда Брестский договор был аннулирован, золото, отправленное в Германию, перешло к Франции, которая поделилась им с Англией «в погашение долга России по отношению к обоим государствам»²¹.

Но Советской России удалось добиться дипломатического успеха, так как ее делегация достигла договоренности с одной из ведущих европейских стран. В договоре между РСФСР и Германией 16 апреля 1922 г., который был заключен в Рапалло во время Генуэзской конференции, было зафиксировано окончательное урегулирование советско-германских финансово-экономических отношений. Впоследствии этот документ стал основой для заключения кредитных договоров СССР с Германией в 1926, 1931 и 1932 гг. К сожалению, германские кредиты долгое время оставались исключением.

В середине 1920-х годов началась серия двусторонних переговоров, в ходе которых обсуждалась и проблема дореволюционных долгов. После прихода к власти в Великобритании лейбористского правительства англо-советские отношения стали более теплыми. Четырнадцатого апреля 1924 г. состоялось первое пленарное заседание англо-советской конференции, где должны были обсуждаться все важнейшие проблемы двусторонних отношений, в том числе и долговые. Советская делегация противопоставила английским претензиям контрпретензии советских граждан к английскому правительству за ущерб, причиненный иностранной военной интервенцией, а также правительственные претензии. В результате вопрос о военных долгах был оставлен «для обсуждения впоследствии»²². Но договор от 8 августа 1924 г. не был ратифицирован, так как в ноябре того же года к власти в Англии вновь пришло правительство консерваторов. Таким образом, вопрос о долгах снова был отложен²³.

²¹ Исторический архив. 1998. № 1. С. 137.

²² Волков Ф.Д. Англо-советские отношения (1924–1929 гг.). М., 1958. С. 48.

²³ История дипломатии. М., 1945. Т. 3. С. 374.

Видя, что Англия начала с СССР реальные переговоры о дипломатическом признании, а в ходе них обсуждается в том числе и долговая проблема, была вынуждена изменить свою позицию и Франция. Парижская конференция открылась 25 февраля 1926 г. Основные принципы переговоров состояли в следующем. С одной стороны, Советский Союз «в порядке исключения» из декрета от 21 января 1918 г. об аннулировании долгов царского и Временного правительств был готов удовлетворить требования французских граждан, вытекающие из претензий по довоенным долгам царского правительства. С другой стороны, правительство Франции обязалось сделать все необходимое для предоставления СССР кредитов, которые облегчат выполнение его обязательств перед французскими держателями облигаций русских займов.

В результате непростых переговоров советская делегация согласилась погасить дореволюционные займы в течение 61 года по 60 млн золотых франков ежегодно. В ответ Советское правительство хотело получить кредит на сумму 220 млн долл. В ходе переговоров общая сумма французских кредитов СССР была определена в 120 млн долл., предоставляемых в течение шести лет по 20 млн ежегодно и исключительно на оборудование для промышленности, транспорта, сельского и коммунального хозяйства. Соглашение о долгах должно было вступить в силу лишь после заключения соглашения о кредитах²⁴.

Но 1 октября 1927 г. французское правительство официально поставило вопрос о замене советского полпреда в Париже Х. Раковского, воспользовавшись его призывами к мировой революции на одном из партийных форумов. И. Сталин отозвал одного из лидеров оппозиции в СССР, что вернуло позиции сторон в первоначальное положение.

Вполне вероятно, что именно срыв советско-французского договора и невозможность получения крупного внешнего займа способствовали поиску новых путей пополнения золотого и валютного запаса СССР, тем более что на 1 октября 1927 г. он составлял всего 173,5 млн руб., а в июле 1928 г. снизился до 96,5 млн руб.²⁵ Кредитная блокада продолжилась, а традиционные источники получения валюты (зерно, лес, нефть) не оправдывали надежд советского руководства.

Не имея возможности получать иностранные кредиты, советское правительство было вынуждено восстанавливать и развивать внутренний фондовый рынок. Но добровольное размещение облигаций госзаймов внутри страны было практически невозможно, так как население не до-

²⁴ Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1928. Ч. III. Вып. I. С. 396–401.

²⁵ Осокина Е. А. Антиквариат... С. 234.

веряло правительству после аннулирования внешних и внутренних долгов в 1918 г. В результате во второй половине 1920-х годов для населения страны невозможность получения иностранных кредитов обернулась «добровольно-принудительной» подпиской на облигации внутренних госзаймов. В 1927 г. появились комитеты содействия госкредиту (комсоды), которые и занялись распространением гособлигаций. Каждый рабочий и служащий должен был подписаться на облигации на сумму в размере месячного заработка, при этом, правда, ему разрешалось оплачивать их частями по 7–8% в месяц.

Характерно, что советские облигации имели маленький номинал, что позволяло собирать в государственную казну даже небольшие суммы с самых широких слоев населения. При этом практически все займы имели выигрышные выпуски, чтобы хоть как-то сделать их привлекательными.

Но, конечно, самым масштабным последствием невозможности внешнего финансирования индустриализации стала коллективизация, проведение которой было напрямую связано с необходимостью получения государством главного экспортного товара — зерна. Взаимосвязь индустриализации и коллективизации с аннулированием государственных долгов в 1918 г. для крестьян была очевидна. Неслучайно в разных районах страны отзывы крестьян были одинаковыми («хлеб забирают, чтобы расплатиться по царским долгам»²⁶).

Вот на таком фоне, когда для обретения валюты из-за невозможности получения внешних займов приходилось использовать любые способы, и проходила организованная государством в конце 1920-х — начале 1930-х гг. продажа шедевров культуры и искусства за рубеж. Это прекрасно понимали современники. Так, член-корреспондент АН СССР, член Экспертной комиссии по разбору и описанию ценностей Оружейной палаты А.В. Орешников писал, что «так как на Западе нам ни гроша не верят, а тракторы большевикам нужны, то и решено распродать музеи, причем художественные предметы продаются через Антиквариат, а нехудожественные через финансовый отдел»²⁷. Фактически эта распродажа культурного наследия вполне органично вписывалась в логику проводимой в тот период советским правительством политики.

Подводя итоги, можно констатировать, что финансирование индустриализации фактически только за счет внутреннего рынка и вывоза на

²⁶ Хришкевич Т.Г. Кооперация в оценке крестьян северо-запада России (по материалам 1920-х годов) // Псков. 2002. № 16. С. 139.

²⁷ Цит. по: Проданные сокровища России. С. 62.

экспорт всего, что могло быть выгодно продано, не только не поддерживало благосостояние населения, но привело во многом к его заметному снижению, особенно в годы первой пятилетки. Кроме того, продажа за рубеж предметов исторического наследия привела к потере Советским правительством международного авторитета, в том числе у иностранных правительств и крупных банков. Напротив, использование внешних кредитов при проведении индустриализации позволило бы избежать многих тягот для населения СССР. Основной же причиной отсутствия зарубежных займов и необходимости получения валюты любым способом, в частности через продажу за рубеж произведений искусства, в конце 1920-х — начале 1930-х гг. явились аннулирование внешних и внутренних займов в январе 1918 г. и невозможность реструктуризации государственного долга в дальнейшем из-за потери доверия со стороны иностранных инвесторов и советских граждан.

Список литературы

1. Быстрова Н. Е. Советская Россия на конференциях в Генуе и Гааге 1922 г.: взгляд из Кремля. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. 277 с.
2. Волков Ф. Д. Англо-советские отношения (1924–1929 гг.). М.: Госполитиздат, 1958. 403 с.
3. Жуков Ю. Н. Сталин: операция «Эрмитаж». М.: Вагриус, 2005. 336 с.
4. Кривова Н. А. Власть и церковь в 1922–1925 гг. М.: АИРО-XX, 1997. 247 с.
5. Латышев А. Г. Рассекреченный Ленин. М.: Март, 1996. 336 с.
6. Осокина Е. А. Алхимия советской индустриализации: время Торгсина. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 344 с.
7. Осокина Е. А. Антиквариат (Об экспорте художественных ценностей в годы первой пятилетки) // Экономическая история. Ежегодник. 2002. М.: РОССПЭН, 2003. С. 233–268.
8. Осокина Е. А. Золото для индустриализации: Торгсин. М.: РОССПЭН, 2009. 592 с.
9. Осокина Е. А. Небесная голубизна ангельских одежд: судьба произведений древнерусской живописи, 1920–1930-е годы. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 664 с.
10. Попова С. С. Между двумя переворотами. Документальные свидетельства о событиях лета 1917 года в Петрограде (по французским и российским архивным источникам). М.: Ладомир, 2010. 624 с.
11. Проданные сокровища России. М.: Трилистник, 2000. 296 с.
12. Проданные сокровища России. История распродажи национальных художественных сокровищ. М.: Слово/Slovo, 2023. 488 с.
13. Хормач И. А. Советское государство на международных форумах 1920–1930-х гг. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. 483 с.

14. Хришкевич Т. Г. Кооперация в оценке крестьян северо-запада России (по материалам 1920-х годов) // Псков. 2002. № 16. С. 137–140.

References

1. Bystrova N. E. Soviet Russia at the conferences in Genoa and The Hague in 1922: a view from the Kremlin. Moscow, Saint Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2020. 277 p. (In Russ.)
2. Volkov F. D. Anglo-Soviet relations (1924–1929). Moscow, Gospolitizdat Publ., 1958. 403 p. (In Russ.)
3. Zhukov Yu. N. Stalin: Operation Hermitage. Moscow, Vagrius Publ., 2005. 336 p. (In Russ.)
4. Krivova N. A. Power and the church in 1922–1925. Moscow, AIRO-XX Publ., 1997. 247 p. (In Russ.)
5. Latyshev A. G. Declassified Lenin. Moscow, Mart Publ., 1996. 336 p. (In Russ.)
6. Osokina E. A. The alchemy of Soviet industrialization: the time of Torgsin. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019. 344 p. (In Russ.)
7. Osokina E. A. Antiques (on the export of art treasures during the first five-year plan). *Economic history. The Annuaire*. 2002. Moscow, ROSSPEN Publ., 2003, pp. 233–268. (In Russ.)
8. Osokina E. A. Gold for industrialization: Torgsin. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009. 592 p. (In Russ.)
9. Osokina E. A. The celestial blue of angelic robes: the fate of Old Russian painting, 1920s–1930s. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018. 664 p. (In Russ.)
10. Popova S. S. Between two coups. Documentary evidence on the events of the summer of 1917 in Petrograd (based on French and Russian archival sources). Moscow, Ladomir Publ., 2010. 624 p. (In Russ.)
11. Sold treasures of Russia. Moscow, Trilistnik Publ., 2000. 296 p. (In Russ.)
12. Sold treasures of Russia. The history of the sale of national art treasures. Moscow, Slovo Publ., 2023. 488 p. (In Russ.)
13. Khormach I. A. The Soviet state at international forums in the 1920s–1930s. Moscow, Saint Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2020. 483 p. (In Russ.)
14. Khrishkevich T. G. Cooperation as assessed by the peasants of North-Western Russia (based on materials from the 1920s). *Pskov*. 2002, no. 16, pp. 137–140. (In Russ.)

Сведения об авторе

Голицын Юрий Петрович

кандидат исторических наук, руководитель направления
по истории финансового рынка ПАО «Московская биржа»
Российская Федерация, 125009, г. Москва, Большой Кисловский переулок, 13
E-mail: Yury.Golitsyn@moex.com

Для цитирования

Голицын Ю.П. Причины продажи предметов искусства за рубеж в годы первых пятилеток // Социум и власть. 2026. Т. 23. № 2. С. 119–132.

Golitsyn Yury P.

The Reasons for Selling Works of Art Abroad during the First Soviet Five-Year Plans

Abstract. The article examines the reasons behind the intensified sale of works of art from the Soviet Union abroad in the late 1920s and early 1930s. It demonstrates the close connection between this process and the need to obtain foreign currency to purchase foreign equipment and technology for accelerated industrialization. The urgency of earning currency to pay for these orders stemmed from the refusal of foreign states to grant credit after the Soviet government repudiated the country's external loans in 1918, and from the failure of multilateral and bilateral negotiations over the repayment of Russia's pre-revolutionary loans in the 1920s. Since the external debt of the Russian Empire was the largest in the world, this resulted in a financial and credit blockade of the USSR. As a result, obtaining currency and conducting foreign-trade operations required exporting not only grain, timber, oil and other natural resources, but also the most celebrated and valuable works of art.

Keywords: works of art, exports, industrialization, national debt, repudiation of government loans, credit, the Soviet Union.

Information about the author

Golitsyn Yury P.

Candidate of Historical Sciences, Head of Financial Market History
Moscow Exchange (PJSC)
13 Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, 125009, Russian Federation
E-mail: Yury.Golitsyn@moex.com

For citation

Golitsyn Y. P. The Reasons for Selling Works of Art Abroad during the First Soviet Five-Year Plans. *Society and Power*. 2026, vol. 23, no. 2, pp. 119–132. (In Russ.)